

Советская куколка
г. Москва
31. окт. 1957г.

Одиннадцатая симфония Дмитрия Шостаковича

Всенародный праздник сорокалетия Великого Октября вызвал новый прилив творческой активности советских музыкантов. Количество их велико. По неполным данным, одних только новых музыкальных спектаклей в ближайшие несколько недель будет показано около пятидесяти. Изюм дня в день Центральное радио вещание передает новые песни, симфонические и камерные произведения советских композиторов.

Разобраться в этом хлынувшем потоке художественных впечатлений нелегко. Вероятно, что-то талантливое, интересное, может быть, поначалу не привлечет должного внимания и, напротив, сочинение сравнительно второстепенное может оказаться на какой-то срок «героем дня». Но уже сейчас удается знакомиться с произведениями, бесспорно, большого идейного и художественного звучания, которые войдут в сокровищницу лучших достижений нашего искусства. К таким сочинениям, мне думается, относится, в частности, новая, Одиннадцатая симфония Дмитрия Шостаковича, с большим успехом прозвучавшая вчера в Большом зале Консерватории в исполнении Государственного симфонического оркестра СССР под управлением Н. Рахлина.

* * *

Одиннадцатая симфония Шостаковича в отличие от всех его предыдущих симфонических циклов имеет четкую и ясную программу. Она названа «1905 год». Каждая из четырех частей сочинения также имеет конкретное название, точно и ясно раскрывающее ее содержание.

Первая часть симфонии — «Дворцовая площадь» — носит вступительный, прелюдийный характер. Из настороженной тишины возникают приглушенные неспешно ползущие аккорды. Пустота, бескрайняя ширь и вместе с тем давящая, гнетущая сила. Напряженно пульсирующая вибрация томительно тянущихся выдержанных звуков струнных, скользящая геометрически четким членением фраз. Холод, морозная сухость звукового пространства, насыщенного то сухо потрескивающими, то глуховато настороженными звучаниями литавр и барабана. Предрачевый сумрак. Вспыхивающие сигналы засурдиненных труб не меняют колорита пейзажа, а скорее усугубляют его мрачность. Как предвестник будущего рассвета, воспринимается появление задушевной песенной темы. Она растет, ширится, уходит вдаль. И опять перед нами просторы Дворцовой площади, охваченные стальными тисками Зимнего дворца и Главного штаба. Душно жить в империи Романовых!

Вторая часть новой симфонии — «Девятое января» следует за первой без перерыва. Такowy же будут переходы между последующими частями. Напряженный ток динамического развития мысли композитор не прерывает ни на момент. Вся симфония идет без перерыва. Для циклического сочинения — случай редкий!

Огромный эмоциональный накал, достигаемый Шостаковичем во второй части симфонии. Длительное подспудное нагнетание динамической энергии, явственно осязаемое в настороженных, сдержанно-скованных звучаниях первой части, прорывается здесь с неудержимой силой. Колоссальные волны нарастающей звучности властно влекут слушателя за собой, заставляя его остро переживать разыгрывающуюся драму.

Шостакович достиг в этой части на редкость гармоничного единения динамического напора и яркой образности музыки. Перед слушателем возникают один за другим ослепительно яркие, неизгладимо врезающиеся в память образы. Вот взволнованная толпа, многие тысячи людей, тиснет пытающихся поведать царю о своем горе и безысходной нужде, вот отдельные люди, попадающие на момент в поле нашего зрения, а вот страшный удар барабана — и безжалостный расстрел безоружных людей (это последнее кульминационное нарастание звучности поражает, почти подавляет своими исполненными масштабами). И как итог, заключение первого акта развертывающейся драмы вновь перед нами возникает мрачный образ Дворцовой площади, символа самодержавия.

Этот заключительный эпизод второй части симфонии вводит слушателя в третью часть ее — «Случайная память». Здесь музыка достигает особой выразительной силы. Как впечатляет хотя бы первое проведение темы «Вы жертвою пали» с буквально «говорящими» альтами или началом второго эпизода (фа-диез минор), где суровое пение валторн, тромбонов и труб заставляет вспомнить величавые траурные шествия Бетховена, Берлиоза и Вагнера! Перед слушателем развертывается потрясающая по драматизму и силе скорби картина бесконечного шествия могучих колён борцов революции, провожающих в последний путь товарищей, отдавших жизнь за приближение светлого будущего...

Начиная с третьей части, Шостакович все интенсивнее насыщает музыкальную ткань симфонии интонациями популярных революционных песен. Они становятся основой, движущей силой всего драматургического развития, образуют ту интонационную среду, в которой возникают,

растут, живут, развиваются музыкальные образы. Драматургической основой третьей части, ее центральной «действующим лицом» является, в частности, мелодия песни «Вы жертвою пали». В четвертой части подобную же роль играют мелодии «Варшавянки» и «Беснуйтесь, тираны».

«Набат» — так назван автором финал симфонии. Вновь перед слушателем развертываются картины напряженной борьбы. Но в отличие от второй части в «Набате» отчетливее осязимо маршевое, героическое начало. Железная поступь «Варшавянки», несокрушимая сила песни «Беснуйтесь, тираны» определяют здесь эмоциональный характер ряда эпизодов. Поражение революции 1905 года было временным. Оно вызвало новый могучий взрыв народного гнева. Руководимые партией коммунистов, народные массы смели с лица русской земли прогнивший царский режим и все эксплуататорские классы. Орасторски призывно, драматически напряженно звучит кульминация произведения. Победа близка. И в этот момент перед эпически-торжественной колорией вновь возникает модифицированный образ заключительного эпизода второй части как напоминание о том тяжелом пути, который пришлось пройти для достижения светлой цели, о тех героях, чья память вечно будет жить в сердцах советских людей.

Литературный «пересказ» чисто музыкальных образов всегда условен, приблизителен. Предложенная сюжетная концепция Одиннадцатой симфонии Шостаковича, разумеется, также не бесспорна и является лишь одним из возможных вариантов ее истолкования. Вероятно, в каких-то частностях, деталях она может вызвать возражения, но все же в основе своей программный замысел композитора здесь четок и определен и вряд ли сможет вызывать принципиально иное прочтение.

Перед нами развертываются одно за другим написанные смелой, уверенной, мастерской кистью полотна, ярко и сильно воссоздающие характерные эпизоды величавой эпопеи — первой русской революции, этой генеральной репетиции Великого Октября, о могучем дыхании которого напоминает финал сочинения.

* * *

Развитие выдающегося таланта Дмитрия Шостаковича протекает весьма сложно, подчас противоречиво. Если попытаться представить себе его творческий путь графически, то перед нами возникнет не прямая, а некая спиралеобразная кривая. Но кривая эта за последние годы все отчетливее и отчетливее устремляется к высотам реалистического искусства. Показательно в этом смысле хотя бы сравнение Десятой симфонии с рядом предшествующих аналогичных сочинений. Музыкальный язык стал здесь в самых драматичнейших коллизиях яснее, проще. Мелодии Шостаковича, ничуть не утратив своей обостренной выразительности, напряженной динамики развития, приобрели ценнейшее качество — напевность. В этом смысле особенно примечателен был цикл хоровых поэм. В нем Шостакович нашел эмоциональную непосредственность, душевное прямоту и непритязательную простоту в выражении сложных философских проблем.

В Одиннадцатой симфонии подобные приемы мышления композитор пытается перенести в сферу уже чисто инструментальных образов, где инерция формалистических заблуждений начала тридцатых и отчасти середины сороковых годов сказывалась у него дольше и осязательнее всего. Попытка эта, имеющая принципиальное значение как для творчества Шостаковича, так в значитель-

ной степени и для советского симфонизма, в целом удалась. В новом сочинении композитора интонация революционных песен — это не внешне формальная сторона музыкальной ткани, не орнаментальная инкрустация ее, а основа всего остроконфликтного драматургического развития, опора, импульс и движущая сила его.

Это обстоятельство позволяет провести параллели с творческими принципами классиков симфонизма. Близости говоря, аналогии с теми или иными характерными приемами классиков встречаются в Одиннадцатой симфонии часто. Партитура ее написана рукой человека, великолепно знающего сокровища мировой музыки и умеющего переосмыслить, развить их применительно к собственным творческим целям. В ней осязательны влияния и героического симфонизма Бетховена, и ораторски приподнятой музыкальной речи Берлиоза, и живописно-образительной звукописи, характерной для программного творчества кучкистов. Отдельные эпизоды второй части ритмической энергией поступательного движения заставляют вспомнить «Сечу при Керженце» Римского-Корсакова. Общая кульминация произведения (эпизод си мажор перед последним появлением — воспоминанием образа Дворцовой площади) изложена фактурно, типично «по-чайковски» с передачей основной мелодии унисону всех струнных. Неоднократно встречающиеся в партитуре суровые, строгие звучания хора медных духовых генетически связаны с характерными вагнеровскими звучаниями. Подчас слышатся отзвуки трагедийных образов Мусоргского. Но все это переосмыслено композитором, преломлено им по-своему. Яркость индивидуальной речи автора здесь чрезвычайна. Услышав любой восьмитакт, сразу же скажем: это Шостакович.

Будут ли спорить об Одиннадцатой симфонии Шостаковича? Вполне вероятно. Материал для плодотворной творческой дискуссии здесь, как и в каждом значительном сочинении, есть. В частности, нельзя не заметить, что в раскрытии самого процесса борьбы антагонистических начал воплощение зла, насилия оказывается подчас ярче, выразительнее и ставит победные, торжествующие образы в подчиненное положение. Это чувствуется временами в финале симфонии. Некоторая затянута, замедленность развития была осязательна в первой части. Впрочем, возможно, в известной степени в этом впечатлении повинен дирижер Н. Рахлин, осуществивший с Государственным симфоническим оркестром СССР первое публичное исполнение симфонии. Он трактовал музыку Шостаковича как всегда ясно, просто, убедительно, с большим эмоциональным подъемом, но работу по дальнейшей шлифовке произведения дирижеру и оркестру предстоит еще проделать. Главным образом это касается отделки деталей.

Однако все это частности. В целом вчерашний концерт в Большом зале Консерватории убеждает в том, что Одиннадцатая симфония — примечательное явление в творческом пути выдающегося советского композитора. Оно во многих отношениях подготавливает напряженные поиски, которые отличали его творчество последних лет, и, что, вероятно, еще более важно, начинает новый этап развития его дарования. Перспективы, открываемые им, обширны. И нужно надеяться, успех этого опыта воплощения в симфоническом жанре больших историко-революционных гражданских тем вдохновит композитора на дальнейшую работу в этой трудной, но благодарной области.

Ин. ПОПОВ.